

Анна Морисон

ВЕЧНАЯ
ВДОВА

Анна Морион

Вечная вдова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69853993

SelfPub; 2023

Аннотация

Мечты обеих подруг сбылись, но пришедший в Англию политический шторм и буря в отношениях короля Генриха Восьмого и его супруги Анны Болейн уничтожают все на своем пути. Судьба каждого придворного и каждого подданного английской короны находится в руках деспота, и Бригиде с Альенорой нужно сделать самый важный выбор в своей жизни.

Содержание

ЧАСТЬ 1	4
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	35
Глава 5	43
Глава 6	53
Глава 7	62
Глава 8	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Анна Морион

Вечная вдова

ЧАСТЬ 1

Глава 1

Пока Бригида счастливо жила в окружении мужа и детей, в мире и относительно покое, Альенора находилась в самом сердце бури, разыгравшейся в Лондоне.

С лета 1531 года Генрих Восьмой запретил своей все еще законной супруге Екатерине Арагонской видеться с их общей дочерью Марией. К принцессе Марии была отправлена делегация, целью которой было уговорить девушку отказаться от титула. Делегация была затеяна Анной Болейн, но послал ее сам отец Марии, король Генрих. В этот год он исполняет все желания и прихоти своей прекрасной возлюбленной.

25 января 1533 года Генрих и Анна тайно обвенчались, и на некоторое время король стал двоеженцем. Анна впервые появилась при дворе в качестве королевы и заняла пышные бывшие покои своей соперницы Екатерины.

В мае 1533 года Томас Кранмер, Архиепископ Кестербрийский, объявил брак Генриха и Екатерины Арагонской

недействительным.

28 мая 1533 года Леди Болейн и Генрих официально поженились. Анна взяла себе новый девиз «Самая счастливая». Она ждет ребенка.

1 июня 1533 года Анну Болейн короновали королевой Англии. Празднование коронации началось 29 мая и продолжалось 5 дней. 31 мая процессия Анны, состоящая из иностранных послов и знати, одетая в пурпурные одежды, драгоценности и горностаи, покинула Тауэр, в котором, по английской традиции, провела ночь будущая королева. Позади процессии, в окружении своих фрейлин, появилась сама Анна. Ее несли на роскошно украшенных носилках. Анну короновали в Вестминстерском Аббатстве, после чего состоялось пышное пиршество. Леди Болейн стала последней королевой Англии, которую короновали отдельно от супруга, и, в отличие от других английских королей, Анна была коронована Коронай Святого Эдварда, которая до этого использовалась лишь при коронации королей. Одетая в белое, по традиции, платье и с длинными распущенными темными волосами, новая королева Англии была прекрасна.

Генрих потратил много золота на развлечения и угощения для простого люда, однако тот не желал принять Анну своей королевой и осыпал ее оскорблениями, что привело ее и ее супруга в ужасный гнев. После такой дерзости Генрих издал указ, по которому любой, кто оскорбит королеву, будет наказан.

Через семь месяцев после свадьбы Анны и Генриха, 7 сентября родилась принцесса Елизавета. К этому времени у короля уже имелась любовница, а рождение дочери, вместо сына, разочаровало Генриха настолько, что он отменил рыцарский турнир, запланированный в честь рождения принца.

В ноябре 1533 года был принят Акт о супрематии, и Генрих провозгласил себя главой английской Церкви. Также Генрих приказал распустить дом принцессы Марии и, по напутствию своей супруги, отослал старшую дочь в дом принцессы Елизаветы. Тем самым, из принцессы и наследницы престола, Мария опустилась до позиции фрейлины при дворе своей младшей сестры, которая на тот момент была еще младенцем.

К 1534 году Анна и Генрих устранили и утомили всех, кто выступал или был против их брака. В этом году старшая сестра королевы Мэри Болейн вышла замуж за своего слугу, мужчину низкого сословия Вильяма Стаффорда, и за это Анна в гневе изгнала ее из дворца и лишила экономической поддержки. Анна вновь забеременела, но летом у нее случился выкидыш. Генрих нашел себе новую любовницу. Отношения между супругами стали натянутыми и холодными.

Январь 1535 года. Лейккасл.

– Дети так быстро растут... Не успею я немного отвлечься, как Стефану вновь требуется новая одежда, а Екатерина

убегает от меня, да так быстро, что за ней не поспеешь, – сказала леди Бригида Тьюри своему супругу, когда те, после позднего завтрака, вместе с детьми, медленно прогуливались вдоль озера.

– Ты права, Бригида. Стефану уже четыре с половиной года, пора бы ему сесть на пони, – ответил ей супруг, с любовью взглянув на своего первенца, кидающего на лед замерзшего озера небольшие камни и вопящего от радости.

– Но у нас не имеется ни одного пони, – заметила Бригида, пристально наблюдая за действиями своего сына и молясь, чтобы этот сорванец не вздумал пройтись по льду. Он это может! Ему только волю дай!

Зима выдалась холодной и снежной, чему, однако, маленький Стефан был несказанно рад. Закутанный с ярко-рыжей макушки до самых носков зимних меховых сапожек, мальчик проводил много времени на свежем воздухе перед замком, играя в снегу, катаясь на санках и практикуясь бросанию маленьких, но довольно твердых снежков в окна рабочего кабинета своего дедушки. К счастью, его дедушка не только не ругал своего внука за шалость, но и часто открывал окна, чтобы похвалить мальчика за ловкость и меткость. В последние три года жизнь в замке стала живее и интереснее: с появлением детей все поменялось, и, казалось, даже серые камни замка ожили от звонкого детского смеха. К сожалению, этот мир покинула мисс Агнесса Тьюри: она слегла в постель с сильной простудой, которая вскоре привела ее

к вечному сну, и теперь ее тело покоилось в тиши и темноте родового склепа Тьюри.

Маленькая рыжеволосая Екатерина, пухлый и прекрасный ребенок, была на два года младше своего старшего брата, но уже в таком юном возрасте отличалась смекалкой и резвостью: пойдя в одиннадцать месяцев, в свои два года девочка любила бегать по широким коридорам замка и играть со своей матерью в прятки. Всеобщая любимица Екатерина предпочитала свою мать всем остальным, что несказанно грело сердце молодой женщины и наполняло ее душу светом каждый раз, когда малышка Екатерина громко кричала: «Мама! Мама, где ты! Маа-маа!»

Несмотря на желание выкормить своих детей грудью, Бригида не смогла насладиться этим процессом, так как грудное молоко не пришло к ней ни после рождения Стефана, ни после рождения Екатерины, и обоих детей выкормили мокрые кормилицы. Это обстоятельство причиняло Бригиде душевное беспокойство и порой она упрекала себя за свою неспособность производить материнское молоко, однако ее супругу хватало ума, чтобы мягко одергивать ее от этих мыслей. «Все во власти Божьей. Если у тебя нет молока, значит, на то Его воля» – говорил Вильям, а затем целовал супругу в лоб.

Годы, прожитые в браке с Бригидой, не вытеснили из сердца Вильяма образ белокурой Альеноры Нортон, однако он научился уважать и ценить свою супругу: она была верна, все так же красива и к тому же подарила ему двух очарова-

тельных совершенно здоровых детей, в которых он не чаял своей души. Однако плотская страсть к супруге у него пропала еще после рождения сына, а появление на свет Екатерины было вызвано одним единственным страстным порывом, когда Вильям выпил за ужином три кубка вина вместо двух. С той самой ночи он больше не касался Бригиды, но, по привычке, продолжал делить с ней постель. Он много работал и нередко засиживался за документами и книгами допоздна, и тогда Бригиде приходилось ласково заставлять его отложить дела до завтра и пойти отдохнуть. Вильям не любил свою жену, но привык к ней, а порой даже ловил себя на мысли, что Господь одарил его своей милостью, когда мисс Нортон отказала ему девять лет назад. Кто знает, куда бы привела его несдержанность Альеноры? Говорят, она блистает при дворе этой чертовки Анны. Пусть. Если раньше озорная и веселая мисс Нортон была его идеалом женщины, теперь он думал об этих ее качествах как о пороках, находя прелесть в спокойном миролюбивом характере своей супруги. И все же в своих снах он видел не Бригиду, а ту самую белокурую распутницу и вертихвостку, которую он презирал, и за это он корил себя: ему, женатому человеку и отцу двоих детей нужно позабыть о мисс Нортон! Воспоминания и мысли о ней вызывали в нем презрение к самому себе. Ведь как он смеет думать о ней, обладая счастливой семейной жизнью и всем, что только может пожелать мужчина?

– Вы уже сказали вашему отцу, что вскоре он лишится

нашего общества?

Голос Бригиды вырвал Вильяма из раздумий.

– Еще нет, но вечером я обязательно сообщу ему об этом, – ответил Вильям.

– Он расстроится. Он так любит своих внуков, – тихо заметила Бригида, не спуская взгляда с сына.

– Мама! – маленькая Екатерина подбежала к матери и протянула к ней руки.

– Устала, радость моя? – улыбнулась леди Тьюри, поднимая девочку на руки. Вместо ответа та с любовью обняла шею матери и положила голову на ее плечо.

– Ваш отец расстроится, – повторила Бригида супругу. – Это будет ударом в самое его сердце.

– Так и есть, но я желаю быть хозяином, а не сыном хозяина, – твердо промолвил на это Вильям. – Замок куплен. Переедем в него летом.

– Как скажете супруг мой. Но нам следует подыскать вашему отцу помощницу. Сейчас всеми закупками для стола, нарядов и хозяйства занимаюсь я.

– Найдем.

Какое-то время супруги шли молча. Екатерина задремала на руках у матери, и та передала ее своему супругу. Стефан же и не думал уставать: он резвился, как северный ветер в кронах зеленых елей, и смеялся, довольный этой долгой семейной прогулкой.

– Какие последние новости со двора? – тихо спросила

Бригида, скорее для того, чтобы вновь услышать голос любимого супруга, чем из любопытства.

Как бы старательно ни скрывала от Бригиды происходящее в Лондоне Альенора, миссис Тьюри, как и всему королевству, была известна печальная судьба Екатерины Арагонской, ее ссылка, превращение Анны Болейн в новую супругу Генриха и королеву Англии, а также рождение принцессы Елизаветы, которую теперь называли новой наследницей английского престола. Душа Бригида кровоточила от жалости к Екатерине и ее дочери Марии, и она ненавидела Анну Болейн, однако мудро сдерживала свой язык и не позволяла чувствам выплеснуться наружу: теперь, когда она была супругой и матерью, Бригиде было что терять, и, единственным, кому она поведывала о том, что чувствовала, был Господь. Однако ненависть – страшный грех, знала Бригида, и она желала забыть обо всем, что произошло в Англии, желала больше никогда не слышать о том, что творилось при дворе, пыталась заставить себя принять Анну своей новой королевой.

С тех пор, как Бригида вышла за Вильяма, она и Альенора ни разу не встречались, но поддерживали тесную связь и дружбу пространными письмами друг другу. В своих письмах к Альеноре, она ни разу не обмолвилась о Екатерине Арагонской, так как знала, что за их корреспонденцией шпионят, и вместо этого она даже несколько раз упомянула о религиозности и начитанности королевы Анны. Насколько бы

сильно ни любила Бригида бедную, но все же великую Екатерину Арагонскую, свою семью она любила больше.

Семейство Тьюри приняло новую религию, навязанную им Анной и Генрихом, на удивление легко: все они считали, что идея перевода Библии на английский язык была более чем блестящей и мудрой, ведь теперь Слово Божье могли читать не только священники и образованная знать, но и простой люд, не владеющей латынью. Однако разрушение католических монастырей, а также убийства и казни католических монахинь, монахов и всех тех, кто отказался признать Генриха главой Церкви, вызвало у них возмущение, которое, впрочем, не вышло за границы рабочего кабинета лорда Тьюри. Все те, кто не желал навлечь на себя королевский гнев, молчали, ведь Анна и Генрих не щадили никого, кто был с ними несогласен. Детей лишали отцов и матерей, жен лишали мужей, мужей лишали жен, а стариков лишали детей. Англия рыдала от самодурства и жестокости того, кто был послан ей Господом, чтобы защищать ее. Прельстившись прекрасной сиреной Анной, Генрих встал на путь саморазрушения и не брезговал проливать кровь и убивать тысячи своих подданных.

– Анна и Генрих вновь рассорились. И как только королю не надоело находиться рядом с женщиной, которая только и знает, как трепать ему нервы? – с некоторым презрением ответил Вильям на вопрос супруги. – Будь ты такой, как Анна, то давно бы уже спала в хлеву вместе с коровами.

– Тише, мой дорогой супруг, помните о том, что нас могут подслушать! – поспешила напомнить Бригида, приблизив лицо к лицу Вильяма.

– Прости, – бросил на это Вильям. – Впредь я буду осторожнее. Но давай больше не будем беседовать о дворе, короле и его супруге. Одно из знатных семейств Англии просит рассмотреть возможность брака Стефана с их дочерью.

– Но, Боже правый, наш сын еще совсем ребенок! – недовольно сказала Бригида. – И что вы ответили?

– Что время покажет. Сперва нашим детям нужно вырасти... – начал было Вильям.

– Вильям! Бригида! – вдруг послышался громкий низкий зов лорда Тьюри.

– Какой голосистый у меня отец! – невольно рассмеялся Вильям.

Он и Бригида машинально взглянули на замок: лорд Тьюри, одетый в один лишь домашний бархатный с мехом халат и меховые туфли, почти бежал к своим домочадцам по занесенной снегом дорожке.

– Поди к нему, Бригида. Пусть не спешит так, а то, не дай Бог, упадет, – приказал Вильям своей супруге, и та тотчас поспешила навстречу своему свекру.

– Бригида, дочь моя! Какая честь! Ах, какая честь! – кричал лорд Тьюри, не замедляя шага.

– Не бегите, отец! – громко попросила Бригида. – Помните о своем сердце!

– Мое сердце! Куда оно денется? – хрипло рассмеялся лорд Тьюри. – Скорее в замок! И ты, Вильям! Скорее берите детей и бегите!

– Да что такое, отец? Вы сам не свой! – усмехнулся Вильям, подходя к Стефану и беря его за руку. Тот тотчас недовольно вскрикнул, не желая возвращаться в замок.

– Отец, где ваш теплый плащ? Где сапоги? Вы простудитесь! – с удивлением воскликнула Бригида, подбегая к свекру.

Тот схватил ее за плечи. На его лице сияла счастливая радостная улыбка.

– Король! Король здесь!

Глава 2

– Король? – удивленно воскликнул Вильям, спеша к отцу. – Король? – вновь переспросил он, но уже намного тише, боясь показаться невежливым.

А вдруг Его Величество наблюдает за ними из окна? Нельзя оскорбить честь короля, даже, если это сделано непреднамеренно, ведь каждое слово имеет свой вес, а каждая написанная на лице эмоция – свою цену. Удивляться вдруг появившемуся в Лейккасл Генриху можно было только в душе, а миру нужно было показывать радость и счастье. Какая честь принять самого английского короля! Пусть он приехал без предупреждения или даже намек! Ему всегда и везде рады! Он озаряет собой Землю, как живущее в небе вечное солнце.

– Собственной персоной! – радостно ответил лорд Тьюри. Кажется, зимний холод не смущал его, так рад он был королевскому визиту.

– Один? Или с... Или с Ее Величеством королевой Анной? – запнувшись на секунду, с боязнью в душе спросила Бригида. Она настолько ненавидела леди Болейн и настолько не желала даже видеть ее, что готова была тотчас слечь в постель с мнимой болезнью. Пусть ее супруг и свекор ухаживают за монархами и вылизывают подошвы их сапог, пусть весь мир перевернется, она, Бригида, никогда не назовет бессо-

вестную разлучницу Анну «Ваше Величество».

– Без королевы, но с парой вельмож, и среди них молодой Джордж Болейн, – ответил невестке лорд Тьюри и протянул руки к малышке Екатерине. – Цветочек мой, пойдем с де-душкой! Твоим родителям сейчас будет не до тебя.

– Что вы имеете в виду, отец? – спросил Вильям, передавая ребенка в руки своему отцу. – Я думал, вы уже отдали все необходимые приказы...

– Да, да, это уже сделано! За кого ты меня принимаешь? – несколько раздраженно бросил лорд Тьюри. – Но он желает увидеть Бригиду!

– Меня, сэръ? – оторопела миссис Тьюри и недоуменно взглянула на своего супруга. – Но что ему от меня нужно?

– Молва о твоей красоте дошла до Лондона, моя дорогая, – объяснил ее свекор.

– Моя красота? – только и смогла вымолвить Бригида. – Вильям... – Она схватила своего супруга за руку. – Вильям, скажи ему, что я больна и могу быть заразна!

– К чему эта ложь? – мягко улыбнулся тот, наполненный гордостью за свою прекрасную супругу: сам король наслышан о ее красоте! – Его Величество всего лишь желает взглянуть на тебя. Чего ты страшишься?

– Глупенькая! Ты только подумай, какая честь тебе оказана! Какое Божье благословение! – ласково пожурил Бригиду лорд Тьюри. – Что за платье на тебе, дочь моя?

– Утреннее, сэръ... Скромное, – не зная, что чувствовать

и что делать, машинально ответила Бригида. Она все еще не до конца верила в то, что Генрих Восьмой, король Англии прибыл в Лейккасл и сейчас находился в его каменных стенах, ожидая ее, Бригиды прихода. Должно быть, это всего лишь дурной сон, ведь зачем королю покидать Лондон и свою ненаглядную Анну, ради которой он прогнал от себя законную супругу?

«Он наслышан о моей красоте? От кого? Красивых дам хватает и при королевском дворе, так что Его Величество делает здесь, прикрываясь красивыми льстивыми фразами о прекрасной внешности миссис Тьюри?» – пронеслось в разуме Бригиды, а ее сердце, наполненное волнением, забилось чаще и быстрее.

– Какое именно? – допытывался лорд Тьюри.

– Синее, сэръ... С меховыми рукавами и серебристой вышивкой, – уточнила Бригида, не понимая, для чего ей задаются эти странные вопросы. Интуиция подсказывала ей, что от нее ожидают блеска и ослепительного сияния, – все, чтобы король не был разочарован в ней и понял, что молва о «Пламенной Розе Англии» правдива, но ей меньше всего хотелось встречаться с этим отвратительным мужчиной, с этим прелюбодеем и грешником. Она не могла простить ему того, как он поступил с великой и верной Екатериной Арагонской. Она не могла и не желала: слишком глубока была ее душевная рана.

– Сойдет и это... Но, дорогое дитя, улыбайся! У тебя такая

красивая улыбка! Стефан, мой маленький рыцарь, пойдём с дедушкой! – Лорд Тьюри протянул внуку ладонь, однако тот спрятался за ногу отца и заявил, что не желает возвращаться в замок.

– Иди с твоим дедушкой, Стефан, – решительно приказал сыну Вильям: если Бригиду новость о приезде короля напугала и оттолкнула, её супруг был рад такой чести и желал как можно скорее предстать перед очами Генриха.

Вильям видел Его Величество лишь однажды, много лет назад, когда Екатерина Арагонская была королевой и королевская чета со своей свитой посетили замок Нортонов. Но долго и пристально лицезреть короля в тот вечер не удалось ни Вильяму, ни другим гостям, ведь Генрих не появился на ужине и не принимал участия в танцах и других увеселениях. В тот вечер король невероятно разгневался на свою супругу, которая, говорят, тихо плакала в своих покоях, пока её супруг угощался вином из погреба лорда Нортон в отдельной от неё спальне. В тот же вечер Тьюри попросили для Вильяма руки мисс Нортон, и её отец с радостью согласился. Но делать невесте подарок, красивое золотое ожерелье с драгоценными камнями не пришлось: следующим же утром лорд Нортон объявил Вильяму и его отцу, что мисс Альенора не желает выходить за сэра Тьюри, и что он подчиняется её решению. Оскорбленные до глубины души, отец и сын тотчас покинули замок. Ожерелье, вместе с футляром, было заброшено в ящик письменного стола Вильяма, однако оно

все же увидело дневной свет и было преподнесено Бригиде в подарок на первую годовщину их с Вильямом свадьбы. Но это яркое украшение было Бригиде не по душе, и она надевала его лишь на большие праздники, чтобы порадовать своего супруга. Увы, бедная девушка не знала, что, глядя на эту драгоценность, Вильяма лишь вновь и вновь настигали воспоминания о том дне, когда Альенора могла стать его, и он жалел о том, что не додумался продать эту злосчастное ожерелье и приобрести новое.

– Пойдемте, дети мои... Вы увидите самого короля Англии! Наш король велик и мудр... – начал было лорд Тьюри, все еще протягивая ладонь Стефану.

– Тьюри! Старый хитрый лис Тьюри! – вдруг раздался громкий мужской голос, такой знакомый Бригиде, и, семейство тотчас заметило, как к ним, вольготным шагом, направлялся высокий, облаченный в меховой плащ и высокие кожаные, отороченные мехом сапоги рыжеволосый мужчина. Шапки на нем не было, словно ледяной воздух был ему теплым и приятным.

– Король! – выдохнул Вильям, словно не веря своим глазам: да и как поверить? Тьюри никогда не были при дворе и не были в фаворе Его Величества, но вдруг он посетил их замок и даже собственноручно решил вернуть принимающее семейство в тепло и уют Лейккасл. Это сон... Дивный сон!

Вильям не особо страдал оттого, что верный английской короне род Тьюри никогда не приглашали в Лондон, ко дво-

ру, и никогда не давали ни одному ему представителю высокой уважаемой должности. С того момента, как умер последний, служивший при английском дворе и имеющий высокую должность лорд Пол Тьюри, о его потомках словно забыли, и они уже более века оставались лишь богатой, но провинциальной знатью. Лорд Тьюри, отец Вильяма, не отличался амбициозностью и не пытался вытребовать или выпросить себе громкий титул и теплое место в свите короля, однако его сын, заставивший себя смириться с тишиной провинции, все же был заинтересован в чем-то более высоком, чем мирная, но скучная провинциальная жизнь.

Когда-то мисс Альенора Нортон была права, сказав подруге, что Вильям Тьюри желал не ее, а то, что ее отец мог забрать его в Лондон: не только горячая любовь руководила Вильямом, когда он просил ее руки, но и ожидание того, что Альенора возвысит его.

«Если бы только отец Бригиды в свое время смолчал, сейчас бы мы были при дворе, – невольно подумал Вильям, наблюдая за приближением властителя Англии. Бросив быстрый взгляд на супругу, он заметил, каким бледным вдруг стало ее лицо. – Бригида испугалась... Чего тебе бояться, супруга моя? Ты не принесла мне возможности подняться выше, так я возьму эту хрупкую лестницу в свои руки и поднимусь сам. Буду льстить и подыгрывать Его Величеству, но и ты не оплошай»

– Очаруй его, Бригида, – шепотом приказал он жене.

– Кого? – удивленно шепнула та в ответ, изумленная происходящим.

– Короля, – несколько раздраженно уточнил Вильям.

– Очаровать? – Бригида непонимающе взглянула на супруга, однако тот уже радостно улыбался и не смотрел на нее. Его Величество король Англии стоял прямо перед Тьюри.

– Ваше Величество! Какая невероятная для нас, скромных провинциалов, честь видеть вас в нашем замке, – учтиво сказал Вильям, сняв свою меховую шапку и принеся королю низкий поклон.

Бригида не промолвила ни слова, но грациозно присела в низком реверансе. Ее взгляд был опущен вниз, так как она боялась смотреть на короля. Но чего она страшилась, не понимала она сама: должно быть, это гнев на него принял такую изощренную форму и объял все ее существо.

– Я направлялся на север. Говорят, там развелось слишком много лис. Узнав об этом, я тотчас сел на коня и поспешил избавить моих подданных от нашествия этих рыжеволосых воришек, – добродушно ответил на льстивое приветствие король Генрих.

– Вы так великодушны, мой король. Уверен: с вашей помощью жители тех местностей больше никогда не будут иметь такое неудобство, – очаровательно улыбнулся Вильям.

– Лисы погубили добрую половину крестьянской живности. Нужно спасать этих добрых христиан, – пожал плечами Генрих, скользя взглядом по лицам семейства Тьюри. Он по-

трепал малышку Екатерину по маленькой ручке, затянутой в толстую варежку, и заметил: – Какое прелестное дитя. Вырастет, будет красавицей. Но она не в отца пошла, а, должно быть, в свою мать, которую называют «Пламенной розой!» – Он взглянул на молчаливо стоящую мисс Тьюри и снисходительно улыбнулся. – Вижу, что молва не лжет. Но не желаете ли подарить мне хоть один ваш взгляд, моя леди? Что такого занятного вы видите на этом белом снегу?

Поняв ласковый упрек, Бригида тотчас подняла голову и вперила в короля взгляд своих прекрасных васильковых глаз.

– Леди Бригида Тьюри, дочь сэра Гиза, наконец-то я имею честь видеть вас и лицезреть вашу дивную редкую красоту, – тихо промолвил восхищенный Генрих, лаская взглядом ангелоподобное лицо молодой женщины.

Глава 3

– Счастливец... Какой же вы счастливец, Теодор, – мягко сказал король.

– Прошу прощения, Ваше Величество... Мое имя не Теодор, мой король. Вильям, – учтиво и осторожно поправил Вильям, почувствовав недовольство оттого, что Генрих настолько не интересовался родом Тьюри, что даже не знал имен их представителей.

Как же далеки были они от двора! Провинциалы, обреченные жить в забвении едва ли не всей английской знати.

– Вильям! Хм! – равнодушно бросил Его Величество, даже не взглянув на счастливца, но все так же созерцая его прекрасную супругу. – Почему я ни разу не видел вас при дворе, леди Тьюри?

Этот вопрос застал Бригиду врасплох, и она не знала, что ответить. Для чего ему знать?

– Я не была приглашена, Ваше Величество... – растерянно промолвила она.

– Мое упущение. Мое и моей супруги, – перебил ее король и добродушно усмехнулся. – Я слышал, что вы не только красивы, но и послушны воле вашего мужа. Правда ли это? – обратился он к Вильяму.

– Чистая правда, мой король. Моя супруга делает все, что я приказываю ей, – поспешил уверить тот.

– А мне, увы, досталась дикая женщина, которая не только не желает принять мою волю, но и смеет идти мне наперекор, – мрачно сказал Генрих.

Короткая фраза, сказанная королем, была настолько красноречива, что не понять ее смысла было невозможным: он говорил о своей жене Анне, ради которой столько лет боролся за развод и ради которой совершил множество преступлений и стал богохульником.

«Теперь-то вы жалеете о том, что связали свою жизнь с той, которую так долго добивались! Смех, да и только! Хвалите мое послушание и скорбите о том, что этим качеством не владеет ваша Анна! Чего вы ожидал? Приручить дерзкую волчицу? – с презрением подумала Бригида, не чувствуя к королю ни капли жалости. – Вы отправили Екатерину, святого агнца, не заклание, а ведь она была именно такой женщиной, какая вам нужна: послушная и верная.... Но, нет! Вы отбросили ее в грязь, как старую изношенную перчатку, которая прослужила вам верой и правдой много лет, но вдруг стала ненужной! И теперь вы жалуетесь? Презренный глупец!».

В сердце леди Тьюри кружилась метель, а в ее душе пылал яростный пожар ненависти и гнева. Она и сама ранее не знала о том, что способна на такие сильные чувства, на такую ненависть, но, смотря на того, кто унизил и оскорбил ее любимую королеву Екатерину Арагонскую, она едва сдерживалась оттого, чтобы замахнуться и изо всех сил дать ему по-

щечину за все, что он причинил своей верной законной супруге и всей Англии. За то, что он надругался над католической верой и Церковью, за то, что возомнил себя Богом на земле, за то, что убил столько монахов и монахинь, разрушил столько монастырей и церквей...

Щеки Бригиды порозовели, дыхание участилось, и, сама не осознавая, что творит, она молча присела в реверансе и поспешно пошла в замок, оставив короля, лорда Тьюри и Вильяма с изумлением смотреть ей вслед.

– Что это с вашей супругой, Вильям? – насмешливо спросил Генрих, не зная, стоит ли ему оскорбиться, или нет: поступок леди Тьюри был невежливым и неучтивым. Никто не может уйти, пока не получит на то разрешение Его Величества.

– Ей нездоровится, мой король, с самого утра, – поспешил оправдать супругу Вильям. Он испытывал сильную досаду: эта Бригида! Что она себе позволяет? Какое неуважение к королю Англии! И что ему теперь говорить? Как объяснить? Придется лгать во благо всех Тьюри и спасти репутацию!

«Что на нее нашло? Возможно, ей и правда стало дурно от такой высокой чести? Или же Генрих так противен ей, что она не в силах находиться рядом с ним?» – терялся в догадках Вильям, не зная, что отчасти угадал причину побега своей супруги.

Он и Бригида никогда не обсуждали чувства и мысли друг друга насчет того, что натворил Генрих, и к чему это приве-

ло, однако помнил, как плакала и мучилась его супруга в тот день, когда услышала из его уст о том, какие перемены произошли в королевском дворце и жизнях Генриха Восьмого, его испанской супруги Екатерины Арагонской и его возлюбленной Анны Болейн. Вильям и сам чувствовал к леди Болейн лишь презрение и отвращение, однако считал неуместным высказывать это вслух. К тому же это было опасно... А Бригида не только посмела высказать своим побегом свое отношение к королю, но и оскорбить его, задеть его честь!

Что теперь будет? Тьюри падут, станут равными опальным Гизам!

Взглянув на отца, Вильям понял, что тот задается теми же вопросами: лорд Тьюри стоял бледный, как снег, и совершенно не обращал внимания на то, что малышка Екатерина с силой дергала его за его бороду.

– Нездоровится... – задумчиво повторил король, а затем криво усмехнулся. – Эти женщины! Должно быть, ваша супруга обладает хрупким здоровьем?

– Именно, Ваше Величество! Бедная Бригида, этот цветок, не создана для столь ледяной зимы, – дрогнувшим голосом сказал лорд Тьюри.

– И все же, несмотря на свое хрупкое здоровье, леди Тьюри принесла вам, Вильям, таких прекрасных детей. Ваша дочь растет настоящей красавицей, а ваш сын... – Генрих запнулся и, взглянув на Стефана, прячущегося за ногой отца, глубоко вздохнул. – Ваш сын будет великим мужем и рыца-

рем. Когда он возмужает, я заберу его в свою свиту.

– Благодарим вас, Ваше Величество! Воистину, вашим добротой и щедрости нет границ! – Лорд Тьюри и Вильям в одночасье поклонились, польщенные заявлением короля.

Оба Тьюри поняли, что заставило короля расщедриться на такое грандиозное обещание: глядя на Стефана, этого милого здорового мальчика, наследника рода, Генрих в очередной раз пожалел о том, что его супруги, ни бывшая, ни теперешняя, не принесли ему сына. Екатерина рожала ему мальчиков, но все они умерли во младенчестве... А он желал быть отцом мальчика, чтобы держать его на руках, обучать стрельбе из лука и езде верхом... Мальчика, сына, наследника, которому он мог бы передать трон и будущее Англии. Его ненаглядная Анна так и не дала ему то, что обещала: Елизавета, их дочь, была милым ребенком, но она была девочкой, а этого Генриху было недостаточно.

– Скажи мне, малыш, ты готов служить своему королю и Англии? – ласково обратился Генрих к рыжеволосому Стефану.

– Я хочу к маме! – рассержено ответил тот и, покинув свое укрытие, подошел к деду и задергал его за полу халата. – Дедушка, отведи меня к маме!

– К тебе обратился твой король, Стефан! Отвечай! – строгим тоном сказал Вильям сыну, устыдившись его поведению.

– Мама! – Мальчик вдруг испуганно зарыдал и бросился бежать в замок. – Мама! Где ты, мама?

– Прошу прощения, Ваше Величество, мне нужно догнать нашего мальчика, – извиняющимся тоном обратился к королю лорд Тьюри, не желающий, чтобы его внук вдруг попал в какую-нибудь беду. Ему тоже было весьма стыдно за внука и его трусость, но он, в отличие от Вильяма, понимал, что Стефан был всего лишь маленьким ребенком, и ему не были важны ни король, ни Англия. Да ведь и Вильям в детстве вовсе не отличался храбростью. Сын пошел в своего отца, что тут сказать!

– Не вам следовало бы бежать за мальчишкой, а его отцу, – наказным тоном ответил Генрих и впился насмешливым взглядом в Вильяма, отчего щеки молодого Тьюри окрасились румянцем. Это был укор. Мягкий, но укор.

– Вы правы, Ваше Величество... Простите моему сыну, иногда он бывает плаксивым... Я пойду за ним, мой король! – Вильям поспешно поклонился и быстрым шагом пошел вслед за сыном, все еще бегущим к замку, вскоре нагнал его и схватил за руку. Затем оба скрылись в огромных дубовых парадных дверях.

– Нам тоже следует вернуться в тепло. Разгуливать в одном халате по такому холоду не самое мудрое решение, – усмехнулся Генрих, окинув лорда Тьюри быстрым взглядом, а затем громко рассмеялся и направился в замок, предвкушая горячую еду, вкусное вино и общество прелестной, но немного странной леди Тьюри.

Пока лорд Тьюри хвалился королю коллекцией оленьих рогов, имеющейся в одном из длинных коридоров замка, Вильям поднялся в их с Бригидой покои и строго высказал супруге свое недовольство ее побегом. Однако Бригиде удалось унять его гнев и достаточно быстро: она солгала, что приезд короля Англии так разволновал ее, что она почувствовала тошноту и просто побоялась, что ее желудок решит опорожниться прямо на дорогие меховые сапоги Генриха Восьмого.

Бригида убежала от короля и поняла, что наделала, лишь, когда оказалась в своих покоях, однако она не жалела о том, что, в миг ужасного гнева, потеряла разум и позволила своим чувствам и эмоциям взять верх. Король был ей чужд и ненавистен! Она пожелала остаться в своих покоях до самого вечера и пожаловалась на плохое самочувствие, однако настойчивое требование супруга сойти вниз и быть хозяйкой заставило ее подчиниться его воле.

Весь оставшийся день Бригида провела в обществе короля, с отвращением в душе слушая его пение, размышления о вреде и лжи католической веры, а также о грязных и наглых попытках французского короля и испанского императора, племянника его «бывшей супруги», повлиять на политику Англии. Бедная женщина слышала, как плачут и зовут ее Стефан и Екатерина, находившиеся в соседней комнате, од-

нако Вильям, не выдержав «дурного поведения детей», отдал их няньке, которая тотчас увела их в другую часть замка. Бригида надеялась, что король смилуется над ней и отпустит ее к детям, однако тот словно не слышал ни детского плача, ни робких просьб отчаявшейся матери позволить ей уйти, хотя бы ненадолго. Он все говорил и говорил, поток его речи все никак не истощался, а затем, выпив три кубка крепкого вина, он стал размышлять вслух о месте женщин и о том, как он ценит в них скромность и безграничное послушание.

– Признаться, я много лет обманывал себя мыслью о том, что мне нравится в слабом поле ум и сильный характер... Анна именно такая: умная, как сова, а характер у нее, как у самой настоящей ведьмы! – вдруг с презрением выкрикнул Генрих и ударил своими большими кулаками по мягким подлокотникам большого кресла, на котором, опьянев, полужелал.

Вильям бросил на супругу предупреждающий взгляд: «Молчи и не говори ни слова! Он пьян, и язык его не слушает голос разума, поэтому нам нужно помалкивать, слушать, кивать, а затем забыть все, что было сказано». Однако Бригида и сама понимала, насколько опасно было это неожиданное признание и желание Генриха вылить грязь на имя своей супруги: проснувшись завтра утром и вспомнив о том, что он наговорил накануне хозяевам замка, король может сделать их жизни несчастными или даже найти повод, чтобы забрать их владения и деньги – все, чтобы заставить их молчать о его

слабости.

В этот вечер Генрих словно позабыл, где находился и кем являлись его собеседники: он закрылся в гостиной с Тьюри и ругал свою супругу, ругал ее неспособность подарить ему сына, ругал Болейнов и вообще всех Говардов. Он говорил о заговоре против него, о том, как высоко он ценит своего драгоценного госсекретаря Томаса Кромвеля, «его правую руку и великого хитреца». Выпив еще, король стал осыпать комплиментами леди Тьюри и хвалить ее за то, что она родила супругу наследника, а он, бедный, так и не познал радости быть отцом законного сына, принца, ведь его сын от фрейлины Бесси Блаунт был бастардом, хоть Генрих и признал его и даже дал ему титул и владения. Не то! Его дочь Мария, от первого брака с Екатериной Арагонской, была упряма и глупа, «как ослиха», он не желает видеть ее и даже слышать о ней. Его вторая дочь Елизавета, от брака с Анной, была слишком мала, чтобы оценивать ее умственные способности и характер, однако, если она пошла в свою мать, он будет вынужден приструнить ее, да и вообще, следует приструнить и саму Анну, эту бунтарку и честолюбивую сучку.

Генрих вел монолог долго: вино усыпило короля лишь к полуночи, и, с облегчением вздохнув, лорд Тьюри и Вильям осторожно подняли короля с кресла и, закинув его руки на свои плечи, потащили его в покои для гостей. Задача эта была непростой: Генрих обладал не только высоким ростом, но и большим весом.

Пока мужчины опекали венценосного пьяницу, Бригида бросила к своим детям, однако застала их уже сладко спящими в своих кроватках. Она с любовью поцеловала лобик и ручку каждого из них и шепотом пообещала, что больше никогда не оставит их одних.

– Зачем он приехал? Зачем он говорил нам все это? – тихо спросила Бригида, когда она и Вильям наконец-то смогли лечь в свою постель.

– Разве ты не поняла, глупенькая? Генрих в очередной раз поссорился с леди Болейн и теперь жалеет о том, что женился на ней! – бросил Вильям, поворачиваясь к супруге спиной.

– Он прогнал от себя верную Екатерину, а теперь жалеет! – едва слышно промолвила Бригида. – Это Господь наказывает его! И мне его не жаль... Совсем не жаль! Пусть страдает так же, как страдает его единственная законная супруга королева Екатерина!

– Будем надеяться, король останется хотя бы еще на пару дней, – не услышав шепот супруги, сказал Вильям и затушил свечу.

Комната погрузилась в темноту.

– Конечно, мой дорогой супруг, будем на это надеяться, – слукавила Бригида, а затем закрыла глаза и помолилась о том, чтобы Генрих оставил их в покое уже завтра.

Желание Бригиды сбылось: проснувшись едва ли не к полудню и откушав плотный ланч, король заявил, что покида-

ет замок, и даже не вспомнил о том, что заставлял хозяев слушать о его семейных несчастьях и горестях. Он действительно не помнил: вчерашний вечер прошел для него, как в тумане, и единственным, что он помнил, были васильковые глаза и полные алые губы леди Тьюри.

– Как жаль, что вы покидаете нас, Ваше Величество. Мы будем вспоминать о вашем приезде, рассказывать о нем внукам и надеяться, что, возможно, вы пожелаете посетить нас еще раз, – учтиво сказал лорд Тьюри, когда все семейство провожало короля и его спутников.

Джордж Болейн, брат королевы, смотрел на Тьюри свысока, и в его взгляде скользило презрение: кто такие эти Тьюри? Провинциальные тихони! Пусть знают свое место и остаются здесь всю свою жизнь! Остальные придворные добродушно улыбались и украдкой смотрели на красавицу хозяйку замка.

– Уже не надеетесь видеть меня, а, Тьюри? – весело сказал Генрих.

Если вчера его настроение напоминало шторм, сегодня в его душе цвели цветы и пели птицы.

– Ах, Ваше Величество, вы даете нам надежду... – тотчас исправился лорд Тьюри.

– Начинайте собираться в путь, мои дорогие Тьюри! – торжественным тоном перебил его король, взбираясь на спину своего могучего коня.

– В путь, Ваше Величество? – удивленно переспросил Ви-

льям.

– Вы, Вильям, займете место в моей свите, ваш отец получит теплую должность при дворе, а вы, прекрасная и неповторимая леди Тьюри... – Король впился взглядом в лицо Бригиды и хищно улыбнулся. – Вы, «Пламенная роза», будете фрейлиной моей супруги. Я ожидаю вашего прибытия в Гринвич через две недели и опоздания не потерплю.

Глава 4

– Но дети! Мои дети! – вырвалось из горла бедной женщины.

– Ваши дети, моя леди, останутся здесь. Им нечего бегать по коридорам моих дворцов. К тому же они будут забирать ваше внимание и не позволять вам выполнять ваши обязанности при дворе. Я оказываю вам великую честь, моя леди, – твердо сказал на это Генрих, словно говорил не о маленьких детях, которым нужна их мать, а о шkodливых маленьких бесах.

– Но, мой король... Я не могу быть вдалеке от них! Они так малы! Им нужна мать! Моей дочери нет и трех лет! – поспешно заговорила Бригида: что он вздумал? Отбирает ее у детей? Заставляет ее покинуть ее малышкой, называя это преступление «честью»? Да и кому она должна прислуживать? Анне Болейн? Той, что Бригида ненавидела всем своим сердцем? Но, Боже, даже, если бы Екатерина Арагонская послала за ней и умоляла присоединиться ко двору, Бригида, не задумываясь, дала бы решительный отказ и ей!

Леди Тьюри никогда не мечтала ни о дворе, ни о королевской милости, ни о должности фрейлины. Все, чего она хотела, она уже имела: любимого супруга и детей, и большего ей было не нужно. Приказ короля привел ее в ужас, и она не имела сил поверить в то, что это было не просто дурным

сном, а явью. Заботиться о своих детях, видеть, как они растут, целовать их, играть с ними, быть им самой хорошей, самой доброй матерью – все это было у Бригиды отнято самолюбленным еретиком.

Она не желает ехать. Не желает и не поедет! Что бы король ей ни приказал!

– Я не могу поехать! Не могу! – Бригида упала на колени и, полным мольбы голосом произнесла: – Ваше Величество, Вы так благородны и так добры к нам! Но, мой король, я мать, и мой долг – охранять и воспитывать моих детей! Они еще такие крошки, как я могу оставить их?

Джордж Болейн хмыкнул себе под нос: картина, представшая перед его взором, веселила его. Он прекрасно понимал, к чему королю вдруг потребовалась эта рыжеволосая леди Тьюри и почему он приказал ей пребыть ко двору: Генрих, этот ненасытный боров, супруг его сестры, возжелал эту глупую наивную женщину и хотел пробраться под ее юбку. Но вы только посмотрите! Эта дурочка не понимает своего счастья! Рухнула на колени, будто перед ней стоит не король Англии и ее властитель, а палач. Джордж знал: как бы слезно ни просила, как бы не билась челом о землю леди Тьюри, она пренебреженно пребудет в Гринвич, и там будет прислуживать королеве Анне. И, конечно, Анна возненавидит очередной любовный интерес своего супруга и постарается как можно скорее отослать нерадивую фрейлину домой.

«Руки трясутся, губы дрожат... Она не знает, что своим

униженным поведением и нежеланием подчиняться Генриху, лишь разжигает в нем похоть и страсть» – презрительно подумал Джордж.

– Как вы можете оставить их, моя леди? – прищурил взгляд король. Его собственная дочь, малышка Елизавета уже получила свои собственные владения и жила там на попечении нянек и кормилиц, поэтому слезы и мольбы леди Тьюри были ему чужды и непонятны: разве он не принес ей радость? Она будет служить королеве! К чему эти слезы, к чему эти слова? – Лорд Тьюри! Увы, благодаря вашей невестке, вам придется остаться дома, чтобы воспитывать ваших внуков пока их родители будут служить своим королю и королеве, – обратился король к хозяину замка, стоявшему молчаливо и отрешенно.

– Как прикажете, мой король. Я стар, и мое место – у теплого камина, в окружении смеха и радостных воплей моих маленьких внуков, – смиренно сказал лорд Тьюри.

Как и Бригида, лорд Тьюри не желал милости короля. Как и его невестка, он не желал покидать своих внуков, владения и замок. Какая радость, что ему велено остаться! Куда ему в его возрасте покорять скалистые опасные вершины придворных интриг? Пусть этим занимаются Вильям и Бригида. Однако лорд понимал чувства Бригиды: бедная девочка! В каком она отчаянии! И как жесток король! Разве можно забирать у детей ту, что дала им жизнь?

– Мы пребудем в Гринвич не позднее, чем через две неде-

ли, Ваше Величество! – решительно заявил Вильям, чувствуя гнев на свою супругу и ее недостойное поведение.

– Но, мой дорогой супруг... – начала было Бригида, протянув к Вильяму сложенные в мольбе руки.

– Молчи, Бригида! Ты всегда была мне верной и послушной женой, так не стыди же меня сейчас перед Его Величеством! – тихо и мрачно бросил тот Бригиде. Его одолевало желание насильно поднять ее с колен, но он не решался сделать это перед королем, ведь не знал, что тот подумает о нем.

– Поднимите свою супругу, Вильям! – к счастью, приказал Его Величество. Вильяму вдруг показалось, что он совсем не выглядел оскорбленным. – Кажется, ваша прекрасная супруга не понимает своего счастья! Но скоро, моя леди, вы увидите, что именно в королевском дворце вам и место!

«И в моей постели» – мысленно добавил Генрих и, бросив на Бригиду Тьюри ласковый взгляд, коротко попрощался с хозяевами Лейккасл, пришпорил коня, и, опережая свою многочисленную свиту, поскакал прочь, оставив семейство Тьюри в смятении чувств.

Едва король и его сопровождающие скрылись за поворотом, Вильям грубо схватил супругу за руку, заставил ее встать с колен и повел в замок. Он был зол и желал отчитать Бригиду, что он и сделал, даже не дойдя до замка, разразившись громкой, едва ли не бранной речью на бедную, уже не сдерживающую плача женщину.

– Дуреха! Разве ты не понимаешь, что это Господь одарил

нас? Он привел короля в наш дом и велел ему дать нам то, чего мы достойны, как никто! Блеск и роскошь королевского двора! Он даст мне должность и место в своей свите! Дал бы и моему отцу, если бы не ты и твой позор! – кричал Вильям, выплескивая на Бригиду озеро своего презрения к ней.

– Вы так рады! Так рады тому, что больше не увидите ваших детей, Вильям? – прорыдала Бригида, даже не думая сопротивляться сильным рукам своего супруга, едва ли не тащившим ее по земле.

– Все, что делается – делается для их же блага! – бросил на это Вильям. – Если мы будем верно прислуживать королю и королеве, наших детей ждет великое будущее! Чего ты рыдаешь, глупая? Ты опозорила меня перед королем! Что он теперь о нас думает? Глупая гусыня! Уверен, уже совсем скоро я получу высокий титул! Высокий титул, Бригида! Наконец-то род Тьюри вновь поднимется на вершину Олимпа и будет наслаждаться сиянием солнца! Все увидят, что молва о твоей красоте правдива! Тебя ждет слава!

– Мне не нужны ни это солнце, ни эта слава! Я лишь хочу жить как раньше! Что я буду делать без моих детей? Как они будут без меня? – причитала Бригида. Она была сломлена жестоким приказом Генриха, но надеялась, что Вильям сможет поехать в Лондон без нее и мудро объяснить королю причину этого непослушания леди Тьюри.

Бригида думала, что за годы брака смогла понять и узнать душу и стремления своего супруга, однако как она ошиба-

лась! Высокие надежды на возможность играть роль при королевском дворе, которые Вильям скрывал и подавлял в себе все эти годы, вдруг получили свободу: своим приездом Генрих открыл клетку дикого зверя, и этот зверь готов был загрызть кого угодно, чтобы получить желаемое. Дети, жизнь в мире и покое, старый отец – все это померкло рядом с ослепляющим сиянием огромного солнца, появившегося на когда-то темном и скучном горизонте жизни Вильяма, и он намерен был показать себя во всей красе, доказать всей английской знати, что достоин внимания и дружбы короля не менее всех тех подлецов и блюдолизов, что окружают Генриха. И Бригида не испортит его планов! Он ей этого не позволит! Пусть рыдает, пусть страдает! Она поедет с ним в Лондон и там займет место фрейлины Леди Болейн! И пусть служит ей верно, как собака, иначе он покажет ей, как поступают мужчины с непослушными женами!

– Как дети проживут без тебя? Также, как и все другие, чьи родители вынуждены были покинуть их ради службы королю! – раздраженно воскликнул Вильям, уже едва терпевший слезы и откровенное непонимание супруги того, как возвысится теперь род Тьюри.

– Я не поеду! Пусть вы проклянете меня, но никто не отнимет у меня моих детей! – вскрикнула Бригида и попыталась оттолкнуть от себя Вильяма.

– Замолчи уже, бестолковая! – с яростью прикрикнул на жену тот и отпустил ее, но затем размахнулся и дал ей поще-

чину, да такую сильную, что та пошатнулась и упала спиной прямо на холодный мокрый снег.

Оглушенная, Бригида смотрела на своего супруга, который никогда ранее не поднимал на нее руку, а лишь порой голос, и в ее глазах блеснул животный страх. В этот момент Вильям напоминал ей ее отца: тот также называл ее «бестолковой» и также давал ей пощечины, но даже он щадил ее и сдерживал свои силы, а Вильям, ее любимый человек, должно быть, применил все силы, имеющие в его крепком прекрасном теле.

– Не смей бить мать твоих детей, несчастный мальчишка! – вскричал лорд Тьюри и, прытко подбежав к сыну, дал ему крепкую оплеуху, отчего меховая шапка Вильяма тотчас упала на снег, рядом с Бригидой. – Разве так я тебя воспитывал? Прочь! Прочь с моих глаз!

– Успокойте ее, отец! Потому что, если она продолжит рыдать, я чувствую, что просто убью ее моими собственными руками! – сердито бросил Вильям, словно не обратив внимания на оплеуху отца, а затем поднял свою шапку и, не оглядываясь, продолжил свой путь к замку.

– Девочка моя... Ну же, поднимайся! – ласково обратился лорд Тьюри к своей невестке, которая, ни жива, ни мертва, сотрясалась от уже молчаливых рыданий. Подняв Бригиду на ноги, лорд Тьюри заботливо отряхнул ее от снега, а затем взял ее ладонь в свою и прижал ее к своему сердцу: – Я позабочусь о детях! Ты же знаешь, как я люблю их, и как они лю-

бят меня! Езжай со спокойной душой, моя дорогая девочка! Твои дети будут скучать по тебе, но я даю тебе слово, что их будут окружать лишь забота и уют! А потом, когда королева даст тебе позволение покинуть службу, ты вернешься к нам, и мы будем жить так же тихо и счастливо, как до этого проклятого дня! Вильям может оставаться при дворе столько, сколько пожелает его душа, но ты можешь поступить мудро и приблизить тот день, когда покинешь двор... Леди Болейн не любит соперниц... Так дай же ей возможность, за которую она ухватится, чтобы отослать тебя подальше от глаз короля!

– Мои дети... Мои крошки! – Бригида бросилась в объятия свекра. – За что мне все это, отец?

– Увы, Его Величество падок на женскую красоту... Но, Бригида, езжай. Ты получила приказ короля Англии и не можешь не подчиниться, – устало прикрыв глаза, сказал лорд Тьюри.

Глава 5

3 февраля 1535 года, Гринвич

Королева Анна, одетая в соболь и окруженная своими фрейлинами, совершала каждодневную прогулку по просторному, очищенному от снега парку прекрасного старинного Гринвича – дворца, который ее супруг предпочитал всем остальным своим имениям. Гордый Генрих не раз повторял, что дворца, роскошнее Гринвича, не найти во всей Европе, однако его супруга не могла согласиться с этим и открыто заявляла ему, что Гринвич уступает любому из дворцов французского короля, и это приводило английского властителя в бешенство. После таких заявлений Анны Генрих мог по несколько дней избегать ее и нарочно открыто флиртовать с ее собственными фрейлинами, что, в свою очередь, гневил его ревнивую жену. Отношения между ними были такими холодными, что, казалось, та любовь, что свела их когда-то вместе и заставила Генриха пойти на многие жертвы, умерла, так же как умер в утробе Анны младенец. Сын, как утверждал король.

Но в этот день Анна не была ни печальна, ни ревнива, ни озлобленна: последние три дня ее супруг был ласков и даже танцевал с ней, что давало ей надежду на новое взаимопонимание и возвращение утраченной страсти. Генрих много

пел, сочинял новые сонеты и, как рассказывал Анне ее брат, недавно вернувшийся вместе с ее супругом из небольшого «развлекательного путешествия», шумно радовался каждой убитой им дичи. О том, что Генрих дал супругам Тьюри приказ приехать ко двору, Джордж Болейн умолчал: к чему волновать Анну? А вдруг они и вовсе не приедут? А если даже и приедут, король тотчас уложит леди Бригиду в свою постель, полюбит ее с неделю, а затем охладет к ней и вскоре вообще забудет о ее существовании, как он забыл о Мэри Болейн. Столько страсти, столько прекрасных слов и клятв... И где теперь эта Мэри? Стерта из его сердца и памяти, будто ее никогда там и не было. Порой Джордж жалел ее, ведь, насколько он знал, Мэри, эта наивная душа, верила всем словам короля, которые оказались лишь красивой ложью, все до последнего. Генрих даже не желал признать детей Мэри своими, хотя Болейнам было точно известно, что именно король Англии являлся их родным отцом.

Гуляя с сестрой и ее фрейлинами, Джордж шутил, всячески развлекал дам и даже снисходительно позволял Анне кидать в него снежки. Приближался вечер, и сэру Болейну не хотелось возвращаться во дворец, ведь там ожидала его Джейн, его ненавистная супруга, на которой он женился ради долга и хорошей партии. Будь его воля, он никогда не выбрал бы эту некрасивую, вечно распускающие сплетни и следящую за всем, как шпион, девушку. Он избегал ее постели, но Джейн была не из робких и требовала от супруга испол-

нения супружеского долга, что он делал нехотя и даже с отращением.

– Так что, мисс Нортон, говорят, вы и сэр Уолш тайно поженились? – шутливо бросил Джордж фрейлине своей сестры. Он знал, что мисс Альенора имела не только острый ум, но и острый язык. Эта смышленная блондинка нравилась ему тем, какой верной и услужливой она была своей королеве.

– Конечно, сэр, разве вы сами не присутствовали на свадебной церемонии и не вы ли громко стонали о том, что я выхожу замуж за этого варвара, а не вас? – улыбнулась Альенора: флирт с сэром Болейном всегда был ей по душе.

– Ах, так вы слышали мои рыдания? – Джордж схватился за сердце.

– Не только она слышала, глупенький, но и все мы! Ты так рыдал, что едва не затопил своими слезами всю церковь! – рассмеялась Анна, потрепав брата по рукаву.

– У меня были все причины рыдать, моя дорогая сестра! – вздохнул сэр Болейн. – Сэру Уолшу достался ангел во плоти, а мне – старая потрепанная домашняя туфля, жутко пахнущая потом!

– Бедняжка Джейн! Она, должно быть, не знает, что вы отзываетесь о ней в таком тоне! – весело рассмеялась Альенора, а затем нагнулась, слепила довольно крепкий снежок и бросила его в Джорджа. – Вот вам, сэр Болейн! Месть за вашу красавицу-супругу! Ее красота так возвышенна, что вы просто не понимаете своего счастья!

Эта удачная шутка заставила фрейлин, Анну и Джорджа залиться смехом: эта Альенора! Не говорит ни одного бранного слова, но так глубоко оскорбляет! Именно поэтому эта Джейн, завистливая и не имеющая никакой популярности при дворе, так ненавидит ее и избегает общения с ней! Боятся метких стрел, пущенных в ее некрасивое лошадиное лицо!

– Вы правы, мисс Нортон! Я одарен самими небесами, имея супругу, от внешности которой я падаю в обморок! – с деланной радостью воскликнул Джордж и, упав на колени, стал бить челом земле.

– Нет, нет, дорогой, хватит уже дурачиться! Что подумают о тебе люди? – вновь засмеялась Анна, пытаясь поднять брата на ноги.

– Что я счастливец из счастливцев, моя королева! – не унимался тот.

– Довольно, Джордж... Ну же, вставай! Завтра с утра будет длинная служба, и там ты сможешь молиться и разбивать лоб о пол сколько будет угодно твоей невинной душе! – смеялась Анна. – Леди! Помогите же мне! Мой брат так опьянен красотой своей жены, что...

– Ваше Величество! Его Величество велит вам прибыть в тронный зал! – перебила королеву вдруг ниоткуда взявшаяся супруга одного из членов Совета.

– Велит? – приподняла свою красивую бровь Анна, взглянув на вестницу.

– Велит, моя королева... Он... Он приказал мне передать вам, что... Что это приказ, Ваше Величество! – едва слышно подтвердила бедная леди.

Велит. Приказывает. Ожидает послушания.

Анна улыбнулась, скрыв за улыбкой свои горечь и обиду. Как Генрих посмел приказывать ей! Как посмел так унижить ее перед собственными фрейлинами? Никто не смеет отдавать ей приказания! Ни супруг, ни отец! Да и что ему вдруг так срочно от нее понадобилось? Что такого он запланировал в тронном зале? Танцы? Но они будут вечером. Другие увеселения? Если это так, то ему следовало пригласить ее, а не отдавать ей строгое распоряжение, да еще и через эту старуху!

– Должно быть, Его Величество желает сделать вам богатый подарок или устроить внезапное празднество в вашу честь, моя леди! – видя, как изменилось лицо королевы, поспешила смягчить удар Альенора.

– Истинно, моя королева! И, должно быть, его съедает такое нетерпение, что он не желает ждать, когда ты сама решишь вернуться во дворец! – подхватил Джордж и тотчас поднялся на ноги.

– Порой мне кажется, что Его Величество путает меня с его прежней... – горько бросила Анна, но брат схватил ее за руку и, не дав ей закончив фразы, весело запел любовный сонет и едва ли не насильно повел ее во дворец.

Душа Анны была полна огня и молний, и, знающий ее,

как саму себя, Джордж мудро закрыл ей рот, чтобы не дать сплетникам пищи для сплетен, ведь иногда королева не выбирала слов, о чем впоследствии жалела и она, и все Болейны. К тому же всем было известно, каким изменчивым был характер Генриха и то, как он злится, когда его приказы не выполняются... Нет, уж, пусть Анна злится, пусть свирепствует, пусть обижается, но ей нужно тотчас предстать перед очами своего венценосного супруга!

– Кажется, наша королева потеряла всякую радость. Этот тиран вновь унизил ее! – прошептала Альенора, смотря вслед Анне и сэру Болейну.

Душа мисс Нортон наполнилась горечью и болью за свою любимую королеву: Генрих словно пытался уколоть ее побольнее, напомнить, что он властвует не только над Англией, но и над своей супругой. Альенора знала: несмотря на то, что окружающие и враги считали Анну бессердечной и хитрой, сердце у нее имелось – живое и чуткое. Хитрости же ей было не занимать, но разве быть хитрой – не почти то же самое, что мудрой? Анна предугадывала события и пресекала заговоры против нее на самом корню, она победила всех своих противников и, вопреки воплям дураков и проклятиям церковников, села на английский трон, чтобы привести Англию к миру и процветанию. Эта прекрасная женщина носит прочную броню, но на сердце ее не наденешь, и яд стрел и поступков причиняют ей нестерпимую боль, и королева не показывает ее лишь потому, что знает: покажи

она свою слабость, ею тотчас воспользуются недруги. Анна могла быть слабой лишь с теми, кому доверяла как самой себе: с братом Джорджем и Альенорой.

– Пойдемте! Ее Величество должна знать, что мы разделяем все ее чувства! – скомандовала Альенора и, не дожидаясь ответа других фрейлин, приподняла юбки своего платья и поспешила за Ее Величеством во дворец.

– Король командует королевой, а Альенора командует нами! – презрительно прищурила взгляд мисс Клер: она уже несколько лет ненавидела мисс Нортон лютой ненавистью и с трудом выносила то, сколько власти та получила, в том числе и над такими же фрейлинами, как она сама. Причина этой ненависти была проста: дружба королевы и роман мисс Нортон с лордом Уолшем, в которого мисс Клер была безнадежно и безответно влюблена.

– Обрети любовь и дружбу Ее Величества королевы, и командовать нами будешь ты, – насмешливо бросила ей одна из фрейлин, а другие девушки хихикнули и переглянулись: мисс Клер вызывала в них раздражение своей постоянной злобой на великолепную Альенору, и уже наскучила им своими ядовитыми фразами в адрес счастливицы мисс Нортон.

– Для этого мне следует стать легкомысленной шлюшкой, которая флиртует и спит со всеми подряд, но уверяет бедного сэра Уолша в том, что еще не тронута, – холодно бросила на это мисс Клер. – Вы слепы и не видите очевидного! Глупышки, достойные лишь того, чтобы вами командовала каж-

дая бешеная собака! – Она гордо приподняла подбородок и быстро зашагала вслед за Альенорой, преследуемая громким насмешливым смехом фрейлин королевы Анны.

Пока мисс Клер бросала ей в спину невидимые камни, Альенора, идя на некотором расстоянии от Болейнов, думала о последнем письме, которое написала ей мать и которое не на шутку встревожило ее душу. «Мой сын вернулся ко мне! Он жив, Альенора! Наш Филип жив! Он посетил меня этой ночью во сне и принес мне эту радостную весть! Он не погиб! Похоронили не его!» – писала леди Нортон своим четким, немного нервным почерком.

«Как бы она не потеряла разум! Гибель Филипа не дает ей ни покоя, ни мира, ни спокойного сна! Нужно поговорить об этом с отцом... Ей нужна помощь... Уход... Кто-то должен приглядывать за ней» – размышляла мисс Нортон, машинально шагая по таким знакомым идеально ровным каменным плитам и красным королевским коврам, устилающим длинные коридоры Гринвича.

Вскоре Альенора вошла в тронный зал, и первым, кого увидел ее взор, был красавец Леонард, стоящий у окна и ведущий беседу с одним из председателей Совета. Будто почувствовав приближение возлюбленной, сэра Уолш бросил взгляд на двери, обнаружил заходящую в зал Альенору, тепло улыбнулся ей и тотчас получил в ответ такую же теплую, немного дерзкую улыбку, приглашающую к флирту. Сэр Уолш поспешил вежливо оставить своего собеседника и подой-

ти к даме своего сердца, однако Альенора была рассеяна и словно не слышала того, что он говорил. Альенора искала взглядом свою королеву, точно зная, что та вошла в зал.

– Что заставило вас задуматься, мисс? – невольно поинтересовался Леонард, борясь с желанием наклониться к мягким губам возлюбленной и поцеловать их.

– Если услышите слухи о том, что мы тайно обвенчались, знайте: это я и сэр Болейн распустили их, – невпопад ответила Альенора.

– Вы так мечтаете о браке со мной, что распускаете об этом слухи? – приподнял бровь Леонард, подхватив игру.

– Ах, спать не могу, только об этом и мечтаю, сэр! – Альенора бросила на собеседника деланно мечтательный взгляд, но затем оглянулась вокруг, ища королеву.

– Если вы разыскиваете королеву, то она стоит рядом с Кромвелем, – поняв задумчивость Альеноры, подсказал сэр Уолш.

– Вы правы... – Мисс Нортон счастливо улыбнулась, увидев, какой спокойной и веселой вновь стала королева. Альенора знала, что это была всего лишь ширма, но была рада, что, несмотря на эмоции и ярость, королева нашла в себе силы улыбаться.

– А король? – спросила Альенора. – Он позвал ее... Что он подготовил?

– Насколько я знаю, ничего особенного... Альенора... – Леонард наклонился к уху возлюбленной. – Что происходит?

– Ничего такого, чего нам стоило бы опасаться... Он... Он настоял, чтобы она явилась сюда, но вам ведь знаком его вздорный характер... Смотрите, король подошел к Анне... Взял за руку и ведет к трону... Усадил ее... Сел сам... Что дальше? – прошептала мисс Нортон, наблюдая за каждым движением королевской пары.

– Тишина! Тишина, мои лорды и леди! – вдруг рявкнул Генрих, и гул голосов, наполняющий тронный зал, тотчас утих. – Объявляй! – небрежно бросил король Кромвелю, вставшему у двери.

Взгляды придворных впились в ненавистного всем «самого верного слугу короля».

– Лорд и леди Тьюри! – громко и торжественно объявил Кромвель.

Двери раскрылись, и в тронный зал, рука под руку, вошли красивый темноволосый мужчина и самая прекрасная женщина, которую когда-либо видел Гринвич.

Глава 6

Ее Величество непонимающе взглянула на супруга, а затем нахмурилась и окинула новоприбывших холодным взглядом. Острый ум подсказывал ей, что красавица леди Тьюри появилась в Гринвиче не просто так, а ее сердце кричало от ревности. Несмотря на жестокость, колкости и тяжелый характер своего супруга, Анна любила его, страстно и горячо, и ревновала его к каждой фрейлине, которой он уделял свое внимание. Бросив быстрый взгляд на придворных, глазеющих на супругов Тьюри, а также на нее, Анну, словно с нетерпением ожидающих реакции королевы, Ее Величество расправила плечи и мягко улыбнулась: она не будет показывать свои чувства. Она королева, и проделки ее супруга не смущают ее.

– Добро пожаловать в Гринвич, лорд и леди Тьюри! – приветливым тоном обратилась Анна к новоприбывшим, чем заставила своего супруга взглянуть на нее с удивленной улыбкой.

«О, ты ожидал того, что я восплаю яростью и унижу себя в глазах всех собравшихся здесь? Ты не сказал мне ни слова о том, что к нам придут эти двое, хранил молчание до самого этого мгновения. Желал удивить меня? Что ж, я удивлена. Желал заставить меня потерять самообладание? Этого у тебя не вышло, мой дорогой, и не выйдет никогда!» –

подумала Анна. Она чувствовала на себе взгляд супруга, но не отвечала ему ни взглядом, ни действием, показывая, что прибытие Тьюри не принесло ей суматохи чувств, хоть ему так этого хотелось.

– Служить вам – великая честь для нас, Ваше Величество, – ответил Вильям на приветствие королевы и вновь принес ей глубокий поклон.

– Хватит уже кланяться, Тьюри. Бери свою супругу под руку и подойди к нам! – фамильярно хохотнул Генрих, наслаждаясь представлением, представшим его взору.

Королева ошиблась: Генрих и не думал оскорбить ее. Это представление было задумано им для него одного. Лишь для его глаз. О чувствах Анны он не думал и не считал нужным даже помнить о них.

– Как пожелаете, Ваше Величество. – Вильям мягко схватил ладонь Бригиды, поднял ее из глубокого реверанса, в котором она застыла с той самой секунды, как вошла в тронный зал, и супруги Тьюри направились к тронам, на которых восседали властители Англии. Там, остановившись слишком близко к Генриху и Анне, Тьюри вновь поприветствовали их, однако Бригида замешкалась, и Вильяму пришлось дернуть ее за руку, приказывая сделать реверанс. Поняв свою оплошность, Бригида покраснела до корней волос, сделала реверанс и, не смея, и не желая смотреть на Их Величества, вперила взгляд в пол.

Полная отчаяния и нежелания быть здесь, но смирившаяся

ся с волей короля, Бригида не знала, что делать и как поступать, ведь раньше никогда не была при королевском дворе. Ее робкое поведение было тотчас замечено, ошибки тихо осмеяны и обсуждены, и даже Генрих с Анной невольно улыбнулись этой оплошности. Но, если Генрих улыбнулся, полный нежных чувств, его супруга улыбнулась свысока.

«Провинциальные дворяне. Их наряды, их поведение, их неловкость – все кричит об этом. Какой красавец этот сэр Тьюри. Темные волосы, мужественное лицо. Его супруге нужно опасаться соперниц. Но нужно ли ей это? Такая красивая, нежная и совершенная. Ей ли бояться соперничества? – отметила про себя Анна, пристально разглядывая лица супругов Тьюри. Остановившись на белоснежном лице леди Тьюри, Анна невольно залюбовалась ею, но вдруг ее разум пронзила мысль, которая заставила ее сердце заледенеть: – Но стоит ли бояться соперничества с ней мне?»

Королева бросила взгляд на своего брата, стоящего у окна, мысленно вопрошая: «Ты видишь это, Джордж? Как мне реагировать на все это?», но сэр Болейн лишь улыбнулся сестре, говоря: «Не стоит волноваться насчет этой провинциалки. Ты же знаешь, что ни одна женщина не затмит твоего сияния, моя королева». Улыбка брата несколько успокоила Анну, но вдруг она заметила Альенору, и ее вид заставил королеву слегка приподнять бровь: Альенора не отрывала взгляда от леди Тьюри и светилась счастьем. Мисс Нортон широко улыбалась и нашептывала что-то сэру Уолшу, стоявше-

му рядом с ней, и это дало королеве понять, что ее верная фрейлина знакома с красавицей леди Тьюри и может стать достоверным источником знаний о новоприбывшей паре и особенно об этой слишком красивой молодой женщине.

– Лорд и леди Тьюри прибыли из отдаленных земель нашего королевства, и столпотворение Лондона им в диковинку. Поэтому, я прошу... Прощу? – Король прищурил взгляд. – Приказываю. Приказываю всем оставить осуждение и сплетни. Очернение имени Тьюри я не потерплю.

Категорический приказ и строгий тон короля заставил многих удивиться и вопрошающе переглянуться: что за птицы эти провинциалы, раз Его Величество взял их под протекцию? Возможно, эта женщина – его тайная любовница? Иначе к чему ему запрещать придворным поливать ее имя грязью?

Этот вопрос имелся в разумах не только придворных, но и королевы Анны: теперь у нее не осталось никаких сомнений в том, что Генриха и леди Тьюри связывала тайная связь. Такая тайная, что ни она, ни Джордж, ни их всесильный дядя не знал о ней.

– Должно быть, вы проделали неблизкий путь, лорд Тьюри. Ваша супруга выглядит уставшей, – обратилась Анна к лорду Тьюри, находя его приятным молодым мужчиной и думая о том, стоит ли ей немного пофлиртовать с ним на вечернем балу.

– Дорога в Гринвич была долгой, Моя Леди. Погода тоже

желала оставлять лучшего. Мы боролись с метелью и жгучим холодом, – почтительно ответил Вильям. В свою очередь, сэр Тьюри нашел новую королеву Англии довольно привлекательной дамой, особенно выделив ее красивую улыбку и сияющие темные глаза.

– Лорд и леди Тьюри прибыли, чтобы занять заслуженные ими места в наших свитах, моя дорогая супруга, – сказал Генрих Анне, однако, даже не взглянув на нее. – Вильям займет место в Совете и будет сопровождать меня на охоте, а леди Тьюри готова приступить к обязанностям твоей фрейлины.

– Ах, какая радость будет иметь вас в моей свите, леди Тьюри, – вежливо сказала Анна Бригиде. – Вы будете украшением Английского двора.

– Вы так добры, Ваше Величество, – промолвила Бригида и вновь сделала реверанс.

– Вы, должно быть, недурно танцуете, леди Тьюри, – бросил Бригиде король, открыто ласкающий ее взглядом. – Сегодня вечером будут танцы, и я желаю видеть вас танцующей и смеющейся.

– Ради Бога, дорогой мой супруг, дайте же этой бедной леди отдохнуть с дороги, – мягко упрекнула Анна Генриха, подумав, каким же нетерпеливым и невежливым был ее супруг. Он всегда думает лишь о себе и своих радостях, и даже измученное белое лицо его возможной тайной любовницы не трогает его! Как бы она, Анна, ни была рассержена на

своего супруга, ей был отвратителен приказ, данный им леди Тьюри. И ведь о лорде Тьюри он даже не помянул! А тот стоит и молча проглатывает все, что приказывает его супруге король.

Но что может лорд Тьюри? Разве он смеет идти наперекор своему королю?

При этой мысли Анна едва заметно усмехнулась: лишь одна особа во всем королевстве могла перечить Его Величеству и делала это каждый день. Она сама. Никто другой не имел смелости возразить ему. А этому красавцу Вильяму Тьюри приходилось лишь улыбаться и приносить Генриху поклон за поклоном. Должно быть, он чувствует себя оскорбленным и униженным: король так нахально и так открыто раздевает взглядом его жену! Но разве она, Анна, унижена и оскорблена не меньше? Ее супруг разглядывает другую женщину на глазах у всего двора!

Сам Генрих знал: Анна выглядит спокойной и даже ласковой, но, едва они уединятся в королевских покоях, его жена устроит скандал и наполнит комнату грозой, громом и молнией. В этом ей нет равных. А пока он упивался своей дерзкой выходкой, как мальчишка, нарочно бросивший камень в индюка и ожидающий погоню.

Вильям не знал, что чувствовать: он понимал, что оказался при королевском дворе, лишь благодаря красоте Бригиды, и это оскорбляло его мужское достоинство. Ни умом, ни смелостью, ни заслугами он эту честь не заслужил, но, стоило

Его Величеству увидеть Бригиду, как Вильяма тотчас призывали ко двору, без возможности вежливо отказаться. Похотливый взгляд короля, устремленный на Бригиду, также заставлял Вильяма понимать, зачем ей было приказано прибыть в Гринвич: чтобы греть постель короля, а это значит, что это будет происходить прямо перед его, Вильяма, глазами, и он будет рогоносцем, смиренно носящим это унижительное звание и не смеющим сказать ни слова возмущения. Но возможности, вдруг открывшиеся ему, делали королевский двор привлекательным и даже желанным местом, и Вильям стремился доказать королю свои значимость и ценность.

И лишь Бригида, не понимающая, зачем она здесь, что королю от нее нужно и когда ей будет позволено вернуться домой, к ее детям, чувствовала, что вот-вот разрыдается от горькости своего положения. Сотни глаз рассматривали ее, словно она была неведомой зверюшкой, и эти взгляды жгли ее нежную кожу. Однако, несмотря на такой странный насмешливый прием, Бригида нашла в себе силы гордо поднять голову и показать всем насмешникам, что их улыбки были ей совершенно равнодушны. И она не лукавила: ее мысли были в Лейккасл, с ее детьми, а эти незнакомые ей лица... Разве они имеют хоть какое-то значение, а их мнение хоть какой-то вес? Она хочет вернуться домой, к своим детям! Только о них она думает! Король желает видеть ее на балу? Увидит! Она сделает все, лишь бы он поскорее позво-

лил ей вернуться домой. Пусть Вильям делает карьеру и получает желаемые титулы, но ее место рядом со Стефаном и Екатериной, а не в этом огромном роскошном, полном зависти и интриг дворце.

– Нам не нужен отдых, Ваше Величество. Танцевать на Вашем балу и иметь удовольствие видеть Вас танцующей – небесное блаженство, – вдруг заявил Вильям, повернув голову к королеве. Он инстинктивно понимал, что ему следует уделить все свое внимание королевской паре, поэтому не расточал свои взгляды на окружающих.

– Говорите за себя, сэр. Думаю, у вашей супруги имеется другое мнение, – со стальной ноткой в голосе сказала на это Анна, почувствовав к молодому Тьюри некоторую неприязнь.

«Лизоблюд готов на все, лишь бы доставить королю удовольствие! Даже танцевать на истощенном долгой дорогой теле своей жены. А она, того и гляди, упадет без чувств прямо перед всем двором» – подумала Анна, и ее сердце дрогнуло от жалости к леди Тьюри.

– Конечно ты права, Анна, конечно, права, моя королева! – вдруг громогласно воскликнул Генрих и нетерпеливо махнул рукой, приказывая Тьюри скрыться с глаз. – Вас отведут в ваши покои, где вы сможете отдохнуть и прийти в себя, но завтра вы приступите к своим обязанностям. – Он улыбнулся Бригиде. – А вы, прекрасная леди, выпейте вина. Оно придаст вам сил и согреет вас лучше любого мужчины.

Придворные встrepенулись: какой откровенный флирт! Генрих уже давно не флиртовал так открыто и так безбожно! В последний раз его видели таким еще в то время, когда он был женат на Екатерине Арагонской, а мисс Анна Болейн только прибыла ко двору в качестве ее фрейлины.

– Вы очень добры ко мне, Ваше Величество, – едва слышно ответила Бригида: новый приказ короля принес ей некоторое облегчение и радость, ведь теперь ей не нужно было ломать себя и танцевать, в то время как она готова была рыдать от душевной боли и физической усталости.

Уже через мгновение к супругам Тьюри подошел один из слуг и увел их за собой. Король довольно потер руки, приказал принести ему кубок вина, поцеловал ладонь своей супруги и тотчас покинул зал.

– Альянора! Ты нужна мне! Прямо сейчас! – настойчиво обратилась Анна к своей фрейлине.

Королева все еще улыбалась, но Альянора отчетливо видела, что скрывалось за этой ее улыбкой. Коротко попрощавшись с лордом Уолшем, мисс Нортон последовала за своей королевой в ее покои.

Едва королева и ее фрейлина скрылись за широкими украшенными дверями, ведущими вон из тронного зала, придворные тотчас наполнили его высокие своды громким шепотом и приглушенным смехом.

Глава 7

– Вина! – приказала Анна находящейся в ее покоях служанке, которая вытирала пыль с большого каменного каминна. – Вина мне и мисс Нортон!

Служанка прекратила свое занятие, сделала быстрый реверанс и поспешно вышла из комнаты, за вином для своей королевы и ее любимой фрейлины.

– Присаживайся, Альенора. – Анна махнула рукой в сторону кресла, а сама подошла к окну и встала к девушке спиной. – Насколько я поняла по твоей счастливой улыбке, эти провинциалы Тьюри тебе знакомы, – утвердительным тоном сказала она.

Голос королевы был прохладным и полным стали, поэтому мисс Нортон не обманули нарочно спокойные фразы Анны. Альенора слишком хорошо знала свою королеву и понимала, что та была разгневана. Но на кого и на что? Хотя, все ясно, как день: Анне не было известно о том, что Тьюри были приглашены ко двору. Должно быть, это король пригласил их, даже не спросив у своей супруги, нуждается ли она в новой фрейлине. Как это унижительно! Как это гадко со стороны Генриха!

– Ваша правда, Ваше Величество: Вильям и Бригида Тьюри знакомы мне уже с давних пор, – осторожно ответила Альенора, исполняя данный ей приказ. Сев в кресло, она

продолжила: – Леди Тьюри и я близкие подруги, Моя Леди. Мы знакомы с ней с самого детства.

– Близкие подруги? – Анна обернулась к Альеноре, и та увидела на лице королевы заинтересованную улыбку.

«Нужно ли было говорить об этом? А что, если Бригида своим робким и довольно смешным поведением не пришлась Анне по душе? – вдруг пронеслось в разуме мисс Нортон, но она тотчас откинула эти мысли: – Да, нужно было: моя дружба с Бригидой не является чем-то опасным или позорным, к тому же Бригида – сам ангел на Земле, чем она смогла или может не угодить Анне? Да и ведь от королевы ничего не скрыть: не я, так кто-то другой шепнул бы ей об этом, и это бросило бы на меня тень».

– Именно так, Моя Леди, – спокойно улыбнулась Альенора в ответ королеве.

– И что же она... Бригида, кажется? Что представляет из себя твоя подруга? – Анна отошла от окна и также присела в кресло, напротив Альеноры. Ее голова была склонена набок – знак того, что она была весьма заинтересована в данной беседе.

– Бригида – чистая душа, верная Ваша подданая, любящая супруга и заботливая мать... – начала Альенора.

– Мать? У нее ребенок? – перебила Анна свою фрейлину.

– Бригида – мать двоих детей, Моя Леди, – ответила мисс Нортон, вдруг почувствовав в Анне грозу. Грозу и неприязнь к Бригиде.

– Двое детей... И кто? Девочки?

– Сын и дочь, Ваше Величество.

– Хм... Счастливица! – Анна на миг задумалась, но затем прожгла Альенору испытывающим взглядом. – Это дети короля?

Мисс Нортон непонимающе улыбнулась, и Анна тотчас приняла эту улыбку за положительный ответ на свой вопрос.

– Без сомнений... Без сомнений, это его бастарды! – вскричала королева, вскакивая на ноги. – И ты молчала об этом? Молчала о том, что твоя дорогая подруга – любовница моего мужа, которая, к тому же, родила ему бастардов?

– Боже... Боже, нет, нет, Ваше Величество! Вы ошибаетесь! – поспешила уверить королеву Альенора, наконец поняв мотивы Анны и цель ее вопроса о Бригиде.

Анна ревновала Генриха! Ревновала к бедной Бригиде, которая ни сном, ни духом и не ведала о том, что ее посчитали любовницей короля!

– Ошибаюсь? – Анна вновь села в кресло и развела руки в стороны. Ее душа была полна горечи возмущения. – Тогда зачем она здесь? Я не приглашала ее в мою свиту! Мне даже не было известно о ее существовании! И вдруг она появилась здесь, в моем дворце, такая красивая и соблазнительно-покорная! Разве ты не видела, каким взглядом Генрих смотрел на нее? Разве не видела, как он облизывался, словно кот на свежее молоко?

– Ваши подозрения мне понятны, Моя Леди! Но, уверяю

вас, Бригида никогда...

– Все эти поездки без меня! Когда он оставлял меня одну, а сам отлучался на несколько недель! Не к ней ли? – Анна откинулась на спинку кресла, закрыла глаза и сжала виски своими тонкими красивыми пальцами.

– Ваше Величество, уверяю Вас... Клянусь Вам именем моего отца, что Бригида не только не является любовницей Вашего супруга и матерью его бастардов, но и никогда не желала быть приглашенной ко двору, – мягко сказала Альенора, мудро решив потушить огонь ревности Анны своими спокойствием и хладнокровием. – Бригида, в отличие от меня, всегда желала только одного: выйти замуж за Вильяма и родить детей. Господь одарил ее, и ее мечта сбылась. Вы ведь видели, какой красавец этот Вильям? Только о нем Бригида и помышляла с тех самых пор, как увидела его... Она любит его, Моя Леди, любит всем своим глупым сердцем. Он недостойн ее, но любовь застилает ей глаза и делает ее слепой. Она подарила ему двух детей и была совершенно довольна своей жизнью, вдали от города, толпы, заговоров и королевских почестей.

– Должно быть, ты часто получаешь от нее письма? – уже менее холодным тоном спросила Анна, внимая словам Альеноры: она знала, что ее фрейлина никогда не лгала ей. Возможно, она все же погорячилась и напрасно обвинила леди Тьюри в смертных грехах?

– Так и есть, Моя Леди, – улыбнулась Альенора, доволь-

ная тем, что смогла умерить пыл королевы. – А я часто пишу ей.

– Если это так, почему же ее сегодняшнее появление во дворце удивило и тебя? Разве она не уведомила тебя о своем приезде? – все еще недоверчиво допрашивала королева. Она знала своего мужа и не имела никаких сомнений в том, что, пригласив ко двору лорда и леди Тьюри, Генрих прежде всего желал видеть именно красавицу Бригиду, а не ее вторую половину.

– Нет, Ваше Величество, она не написала мне об этом, – неуверенно ответила Альенора.

– Нет? Тогда спроси ее, что ей помешало, – спокойно заявила королева, но Альенора тотчас поняла, что это была не просьба, а самый настоящий приказ.

– Я так и сделаю, Моя Леди, – тихо сказала мисс Нортон. – Но я могу поручиться за Бригиду в том, что в ее сердце нет ни злых помыслов, ни корыстных целей.

– Даже так? А если она все же предаст твое великое безграничное доверие? – Анна вновь поднялась с кресла и зашагала по комнате. – Вновь... Вновь эти насмешки! Как снести все это? Неужели таким образом он упрекает меня, наказывает за то, что моя Елизавета, его родная кровь и плоть, не родилась сыном? – Она вновь подошла к окну и тихо, чтобы ее не услышала даже верная фрейлина, прошептала: – Но разве это моя вина в том, что Господь наказывает его, не давая ему живых законных сыновей, маленьких принцев? Ека-

терина не смогла родить ему сына... И я не смогла... Это Генрих наказан, Генрих, а не мы!

– Прошу прощения, Моя Леди? – удивленно приподняла брови Альенора, все же услышав горький шепот Анны, но не расслышав слова.

– Ничего. Пустое. Я помолилась Господу нашему, попросила Его подарить мне сына, чтобы мой любвеобильный муж наконец успокоил свою душу и перестал приглашать ко двору и в мою свиту всех дам Англии подряд, – безразличным тоном бросила Анна.

В комнату постучали.

– Моя королева! Позвольте войти? – раздался за дверью голос Джорджа Болейна.

Вместо ответа, королева подошла к двери и открыла ее.

– А вот и ты. Пришел побеседовать о представлении в тронном зале, устроенном для нас моим Генри? – шутливым тоном спросила Анна своего брата, возвращаясь к своему креслу.

– Ты имеешь в виду этих невоспитанных провинциалов? – Джордж вошел в покои сестры и закрыл за собой дверь. – Или только эту красотку леди Тьюри, которую двор уже успел окрестить любовницей короля?

– Ах, Джордж, не любовница она ему! – возмущенно сказала на это Альенора.

– Естественно, не любовница. Он встретил ее всего лишь две недели назад, в своем последнем путешествии, – бросил

на это Джордж.

– Откуда тебе об этом известно? – тотчас встрепенулась Анна.

– Я был там. С ним. У Тьюри, – отрывисто произнес Джордж, не смея смотреть в глаза своей сестре: он чувствовал свою вину за то, что, зная о причуде Генриха, не подготовил к ней Анну.

Королева на миг опешила, а затем окинула своего брата презрительным взглядом.

– Ступай к своей подруге леди Тьюри, Альенора, – тихо сказала она, не отводя глаз от Джорджа, который, с виноватым выражением лица, делал вид, будто интересуется книгой, лежащей на прикроватном ночном столике покоев сестры. – Ступай и поприветствуй ее. Узнай... – Она замолчала, не договорив, но мисс Нортон и без слов поняла, что королева желала от нее.

«Иди к Бригиде и шпионь за ней» – было приказом Ее Величества.

– Как скажете, моя королева. – Альенора поднялась с кресла, сделала реверанс и направилась к двери, предоставляя Болейнам побеседовать наедине.

Закрывая за собой дверь, мисс Нортон усмехнулась: Джорджа ждет хорошая трепка! А ее – долгожданная встреча с Бригидой!

– И что же помешало тебе рассказать мне о Тьюри, мой дорогой брат? Возможно, красота этой провинциалки так за-

ворожила тебя, что ты потерял дар речи? – успела услышать Альенора слова, сказанные медовым голоском Анной.

«Бедный Джордж! Но поделом ему: разве можно было молчать об этом? А Бригида? Почему она не предупредила меня о своем приезде?» – подумала Альенора, шагая по светлому широкому коридору с целью выяснить, какие из покоев предоставил Генрих супругам Тьюри.

Глава 8

– Что королеве потребовалось от вас? – поинтересовался Леонард, нарочно ожидающий свою возлюбленную у дверей тронного зала.

– Пойдемте, Леонард. Мне нужна ваша помощь, – вместо ответа сказала Альенора и едва ли не насильно потащила сэра Уолша за собой, вглубь коридора ведущего в другой конец дворца, в котором, как узнала мисс Нортон, расположились супруги Тьюри.

– Так что, Альенора? – потребовал ответа Леонард, послушно шагая рядом с мисс Нортон.

– А как вы думаете? – иронично улыбнулась та.

– Она допрашивала вас насчет Тьюри? – предположил Леонард.

– Как вы догадливы, сэр, – ответила девушка, не считая нужным уточнить, что интересом королевы были не оба Тьюри, а исключительно Бригида и ее возможные тайне любовные отношения с королем.

– Этого следовало ожидать. Пока вас не было, все эти придворные нахлебники успели уверить друг друга в том, что мисс Бригида является королевской любовницей.

– Ну, что за дураки! Бедная Бригида! Она верна своему супругу, а ее вовсе подкладывают в кровать к королю! – горько бросила на это Альенора. – Но пусть говорят все, что

пожелают: Леди Анна знает, что все это лишь грязные сплетни. Ее брат имеет точную информацию. Но нам следует поприветствовать мою бедную подругу и уверить ее в нашей безграничной поддержке.

– Так мы направляемся к ней? Хочу заметить, что лорд Тьюри не одобряет дружбу своей супруги с вами, Альенора, и не пустит вас даже на порог их с Бригидой покоев.

– Это мне известно, Леонард. И именно поэтому вы нужны мне сейчас: уведите этого мерзавца Вильяма куда подальше и предоставьте мне возможность пообщаться с моей дорогой Бригидой.

– Такая великая услуга требует достойной платы, – вкрадчивым тоном сказал сэр Уолш, замедляя шаг и всем своим видом показывая, что ожидает от Альеноры этой самой платы.

– Сделайте это ради меня, Леонард, – останавливаясь, кокетливо улыбнулась мисс Нортон и подала ему свою белую ладонь, которую тот поднес к своим губам и нежно поцеловал.

– Но этого недостаточно, – тихо сказал Леонард, смотря в голубые глаза мисс Нортон.

Та быстро оглянулась, уверилась в том, что они были одни в коридоре, приподнялась на носках своих туфель и подарила Леонарду страстный поцелуй прямо в губы.

– Вы сегодня в игривом настроении, мисс Нортон, – широко улыбнулся сэр Уолш, даже опешив от такой смелости

Альеноры.

– О, да. Но и вы, кажется, тоже, – игриво ответила на это она. – Достойная ли это плата, сэръ Уолш?

– Весьма. Я в вашем распоряжении, моя прекрасная искусительница! – заявил Леонард.

Сэръ Уолш прекрасно справился со своей задачей, и вскоре он и Вильям Тьюри направились в королевскую конюшню, а Альенора и Бригида, после долгих и теплых приветствий, направились в покои мисс Нортон, где никто не мог бы подслушать их беседу. Леди Тьюри была усталой и мечтала об объятиях Морфея, но неожиданный приход дорогой подруги взбодрил ее и прогнал сон. Несмотря на то, что приказ короля, дворец и насмешки придворных угнетали ее, Бригида знала, что Альенора поможет ей, защитит и обогреет своей сестринской любовью. Альенора и сэръ Уолш, о котором мисс Нортон часто писала в своих письмах, были ее союзниками, и теперь, зная это, Бригида постаралась успокоиться и размышлять трезво. Однако ее материнское сердце все так же кровоточило, а мысли о Стефане и Екатерине, о том, что ей пришлось оставить их, бросить, заставляли ее глаза наполняться слезами. Бригида понимала: Альенора рада ей, рада вновь иметь ее рядом, но она и представить себе не могла, что этот дворец был для Бригиды ничем иным, как клеткой и тюрьмой.

– Признаться, твой приезд удивил меня... Ты не написала ни строчки! Должно быть, желала ошеломить меня? – весело

спросила Альенора, когда подружки закрылись в ее покоях и, как в прежние времена, устроились на кровати. – И, Господь свидетель, материнство ничуть не испортило твою фигуру! По тебе и не скажешь, что ты мать!

– Ты ошибаешься, моя дорогая. Ни ошеломить, ни обрадовать тебя не было моим планом. Я не написала тебе потому, что у меня не имелось на это времени, – тихо ответила Бригида и взглянула на подругу тоскливым взглядом: – Альенора... Я не хочу быть здесь! Но меня заставили приехать сюда! Заставили бросить моих детей!

– Кто заставил? Почему? – встрепелась мисс Нортон, понимая, что Бригида не лукавила и не лгала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.